

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2021

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 5 (103) Том 12 - Восточнохристианский мир и мир ислама на евразийском пространстве: политика, религия, культура. 2021

На пути в современное общество: шиитское духовенство в иранской политике первой четверти XX в.

Ардашникова Анна Наумовна

МГУ им. М. В. Ломоносова

Российская Федерация, Москва

Коняшкина Тамара Александровна

МГУ им. М. В. Ломоносова

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Общественно-политические события первой четверти XX в. стимулировали возникновение новых концепций развития Ирана, актуальность которых со временем не только не уменьшалась, но возрастала. Носителями новых идей выступали как интеллектуалы-реформаторы светского круга, так и шиитское духовенство, активно участвовавшее в политике. В статье в рамках междисциплинарного исследования подвергается анализу взаимодействие новации и традиции на судьбоносных для Ирана этапах социально-политических преобразований и рассматривается арсенал пропагандистских средств, которые использовались в этом процессе. Привлечение архивных документальных материалы и произведений литературно-публицистического характера, которые впервые вводятся в научный оборот, позволяет услышать «живой голос» непосредственных участников и свидетелей событий этого периода.

Ключевые слова: шиитское духовенство, маршруте, меджлис, Основной закон, республика

Дата публикации: 21.06.2021

Ссылка для цитирования:

Ардашникова А. Н., Коняшкина Т. А. На пути в современное общество: шиитское духовенство в иранской политике первой четверти XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – Выпуск 5 (103) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840015888-5-1/> (дата обращения: 26.07.2021). DOI: 10.18254/S207987840015888-5

1

«Исцеляющая *машруте*» как конституция компромисса

«Ликуй, народное собрание (*маджлес-е мелли*), ведь вскоре // ты исцелишь недуги этого народа! // Ликуй, народное собрание, ведь с твоей помощью одержат победу // суры правоверных над церковью, свет шахского указа над крестом. // Ликуй, народное собрание, ведь Иран обрел от тебя // юное государство в это дряхлое время!»¹. Так, многократной анафорой, прославляющей радость обновления, приветствовала газета «Меджлис» собравшийся в Тегеране в октябре 1906 г. первый иранский парламент. Касыда-панегирик, в течение столетий бытовавшая в Иране как парадная поэтическая форма, обращенная в первую очередь к «сильным мира сего», нашла нового адресата, коллективный образ которого замещает венценосного *мамдуха* (восхваляемого) — депутатов меджлиса, объединивших в своих рядах представителей правящего дома, сановную знать, духовенство и «людей базара» — членов ремесленных цехов, торговых объединений и других. Традиционное благопожелание новорожденному следовать путем пророка, дарующего победу правоверному, которое звучит как дань поэтическому стереотипу, несет в себе призыв к единству различных социальных групп, впервые собравшихся вместе для решения общегосударственных дел. Но, пожалуй, тем немногим, что действительно сближало потенциальных реформаторов, являлось общее стремление ограничить деспотизм шахской власти и пресечь бесконтрольное правление временщиков, «погрязших в пороках и эгоизме». Однако приходили к необходимости создания представительной власти по-разному.

2 Конечно, идея обновления страны во многом стимулировалась приобретенными стабильный характер экономическими отношениями с Западом, сведениями о принципах государственного устройства и технической стороне европейской цивилизации. В этом процессе весомое слово сказало и иранское зарубежье, во многом сформировавшее тот социальный тип, который в Иране стали называть «*роушанфекран*» — обладающие просветленным разумом. Местом дискуссий на общественно-политические темы, вкус к обсуждению которых обрели представители иранского образованного класса, стали масонские организации, возникшие в Иране в середине XIX в. Известная общность политических устремлений «жаждущих прогресса» подкреплялась еще одним — многие из них были не чужды литературному творчеству, осознавая просвещение народа как насущную потребность времени.

3 Но взгляды «образованного меньшинства», недоступные для понимания ядра городского мира базара — торговцев и ремесленников, составлявших в 1906 г. половину депутатского корпуса, требовали иных форм выражения и иных ориентиров, побуждающих к политическим действиям. Их целевые установки и поступки, помимо собственных практических интересов, чаще всего формировали реальные события, наглядный характер которых при определенных пропагандистских усилиях был в состоянии вызвать широкий эмоциональный отклик. К таким событиям можно с полным основанием отнести историю «девушек Кучана²», воплощающую драму обыденной жизни северных районов Хорасана, граничивших с туркменскими кочевьями. Оставшись без урожая в «голодном» 1905 г., крестьяне окрестных деревень продали своих дочерей туркменам, которые через армянских

купцов переправили их в увеселительные заведения Тифлиса. Это происшествие, подхваченное влиятельной газетой «Хабл ал-Матин»³, было преобразовано «Сур-е Эсрафил»⁴ в песню-плач кучанских девушек с рефреном «Боже, никто не думает о нас»⁵, ставшую камертоном общественных настроений. Включение с текст нескольких русских фраз, переданных в персидской транслитерации, звучало как издевка и лишь подогревало народное возмущение.

4 В 1906—1907 гг. история страданий «наших дочерей» из Кучана превратилась в общеиранский «мем»: она обсуждалась в уличных кофейнях и на базарных площадях, звучала с минбара мечетей как символ потери национальной, религиозной и семейной чести. По мнению исследовательницы А. Наджмабади, сопереживание горькой судьбе кучанских девушек рождало «чувство сопричастности и национальной общности»⁶, которое можно сопоставить с тем, как коллективное оплакивание трагической гибели имама Хусейна⁷ и мучеников Кербелы подкрепляет чувство принадлежности к шиитской общине. В июле 1906 г. в своей проповеди тегеранский *муджтахид*⁸ сеид⁹. М. Табатабаи утверждал, что это происшествие нанесло тяжкий удар по самим принципам правосудия и требовал справедливости и исполнения исламских законов¹⁰.

5 Злоключения кучанских невольниц, в защиту которых поднялось духовенство, и наказание палками сеидов в Тегеране в декабре 1906 г. сыграли роль той духоподъемной силы, которая привела народ к массовому возмущению. Мощное протестное движение, охватившее крупные городские центры Ирана, начавшись в январе 1906 г., к августу завершилось *дастхаттом* (указом) Музаффар ад-Дин-шаха о созыве в Иране меджлиса — парламента. В этом движении громадную роль сыграли муджтахиды столицы — М. Табатабаи и А. Бехбехани, поддержавшие и возглавившие многотысячные бесты¹¹ населения Тегерана. Центральными событиями этого периода стали массовые исходы горожан из столицы — в начале 1906 г. — в Шах-абд-ал-Азим — святое предместье Тегерана, а в июле — в Кум, один из старейших иранских религиозных центров, сломившие к августу 1906 г. сопротивление шахского двора.

6 Тогда же, в начале 1906 г, как одно из условий примирения с властью, муджтахиды выдвинули требование создания *адалят-хане* («домов справедливости»). Оно было подсказано и даже, предположительно, включено в обращение к Музаффар ад-Дин-шаху и первому министру членами тайного общества в столице, с которыми протестующие поддерживали постоянный контакт. Впрочем, характер и функции этой структуры оставался неопределенным. По свидетельству участника этих событий Назем ал-Ислама Кермани, близкого к М. Табатабаи, текст послания содержал лишь лаконичную приписку, сделанную рукой последнего — «адалят-хане» без всяких комментариев¹². Этот вопрос, наряду с остальными требованиями, прозвучавшими из Шах-абд-ал-Азима, обсуждался позже представителями правительства и прибывшими в Тегеран парламентариями протестующих. Суммируя результаты эти переговоров, первый секретарь русской миссии А. С. Сомов сообщал: «Его Величество согласился на учреждение в Тегеране под своим председательством выборного собрания под наименованием «Дом справедливости». Число членов этого Дома будет около сорока, и в него войдут представители от духовенства, купцов и землевладельцев. Ведению его будут подлежать государственные дела и закона... В Доме справедливости духовенство будет занимать преобладающее положение»¹³. Население столицы как победителей встречало возвращающихся из беста, считая, что «шах дал конституцию»¹⁴, а духовенство 12 января 1906 г. было удостоено шахом приема в Гулистанском дворце. Условия, продиктованные тегеранскими улемами¹⁵ в обращении к шаху, стали импульсом для появления нового понятия — *машруте*, вошедшего в политический обиход в значении «конституционное правление».

7 Происхождение этого термина неясно. Преобладает мнение, что *машрутийат* / *машруте* является производным от арабского *шарт* — (букв.) «условие»: обращение к языку Корана должно было подчеркнуть самостоятельный, а не заемный характер новых политических принципов. Но существовала и другая точка зрения, из политических соображений удлинявшая цепочку заимствований и возводившая основу к французскому *le charte* (устав, хартия, соглашение)¹⁶. Далекий от умозрительных словопрений, этот спор касался сути будущих реформ, что хорошо понимали участники событий. Патриарх демократического движения в Иране Х. Таги-заде в своей лекции, посвященной истории революции, подводит черту этому конфликту мнений, ссылаясь на слова одного тебризского муллы, который настаивал на прямом заимствовании слова «конституция» из европейского политического словаря, так как в противном случае новый режим, подконтрольный улемам, будет поставлен в условия полной несвободы¹⁷. Каково бы ни было происхождение термина, он, на наш взгляд, более всего сопоставим, хотя и в ином историческом контексте, с условиями (условиями) членов Тайного Верховного совета, стремившихся к ограничению самодержавной власти в России XVIII в. Показательно, что в современном персидском языке *машруте* как самостоятельная языковая единица отсутствует и используется только для обозначения событий иранской революции 1906—1911 гг.

8 Весна-лето 1906 г., когда движение *машруте* постепенно набирало силу, агенты новых политических идей предпочитали хранить единство, хотя было очевидно, что обозначенный «столпами веры» общий контур представительной системы нуждается в уточнении. Эта работа шла кулуарно, общность интересов вождей *машруте* подчеркивалась главным образом их публичными заявлениями, исполненными благочестиво-патриотической риторикой и преобразовательного пафоса¹⁸. К лету 1906 г. стало ясно, что речь может идти о двух конкурирующих проектах представительного института — меджлиса, основанного на исламских принципах (*машруэ*)¹⁹, на чем настаивали шиитские лидеры, подкрепившие своим авторитетом борьбу за ограничение шахской власти, или аналога парламентской структуры европейского типа, каким его видели реформаторы, ориентированные на построение светской модели государства.

9 Это в значительной степени осложнило положение *улама* в парламенте даже в первые месяцы его работы, когда избирательная кампания только набирала силу, депутатский корпус был представлен лишь делегатами от столицы и оставался неопределенным круг полномочий народной власти. Тем более, что в Тегеране перед зданием Бахаристанского дворца, где заседал парламент, разбились «шатры протеста» несогласные, возглавляемые Ф. Нури. Являясь вероучителем, не менее влиятельным, чем заседавшие в меджлисе его коллеги, он категорически не принимал это «вероотступническое собрание», объявив его «противным чистой вере седалищем бабидов»²⁰. В условиях откровенной враждебности двора и двойственности отношения жителей столицы, на поддержку которых, как казалось, парламент мог положиться, депутатский корпус дорожил покровительством М. Табатабаи и А. Бехбехани, присутствие которых в стенах меджлиса придавало законность новой власти. Не имея депутатских мандатов, так как они отказались баллотироваться в парламент, «отцы конституции» практически не пропускали его заседаний, в том числе и закрытых, и, апеллируя к своему высокому статусу, принимали участие в его работе²¹.

10 Тем не менее обстановка в парламенте оставалась взрывоопасной. Стенографические отчеты его заседаний в 1906 — начала 1907 гг. фиксируют множество каждодневных инцидентов, прекрасно иллюстрирующих хрупкость заявленного союза²². Взаимное раздражение разрушало атмосферу согласия, которую пытались поддерживать обе стороны. Так, например, во время одного заседания в декабре 1906 г. сеид М. Табатабаи, более других муджтахидов склонный идти на уступки светским реформаторам, неожиданно для аудитории

произнес «громовую речь против распространения иностранных языков, иностранных обычаев и закончил ее заявлением, что нужно во всех школах запретить их изучение»²³. Эту атмосферу, свидетельствующую о постепенном размежевании политических позиций депутатов, уловил новый правитель Мухаммад-Али-шах, в январе 1907 г. сменивший на троне Музаффар ад-Дина. Считая дарование конституции политической ошибкой отца и демонстративно обойдя членов меджлиса приглашением на коронацию, он тем менее быстро включился в работу по редактированию проекта Основного закона. Заседания меджлиса произвели на него самое невыгодное впечатление. Борьба личных и групповых эгоизмов, ссоры и граничившие с оскорблениями взаимные упреки, которыми обменивались депутаты, на щадя даже духовенства, не внушали мысли о жизнеспособности этого института.

11 Самым острым в работе парламента стал период февраля-сентября 1907 г., когда депутаты были заняты подготовкой главной части иранской конституции — Дополнениями к Основному закону²⁴. Высшее духовенство протестовало против ущемления прав судов шариата светскими судебными инстанциями, настаивало на введении религиозной цензуры, полностью отвергало принцип равенства всех перед законом независимо от религиозной принадлежности и сумело настоять на включении в текст Основного закона большинства своих поправок, в том числе положения о создании состоящей из улемов комиссии для контроля над деятельностью законодательной власти. Выступая как высший арбитр от лица государства, эта комиссия имела право наложить вето на любое решение меджлиса как несоответствующее шариату, так как, по мнению духовенства, во время «великого скрывания» до пришествия Махди²⁵ именно носители сокровенного знания имели право контролировать действия мирской власти.

12 «Странным союзом» назовут впоследствии сложившийся в начале революции политический альянс светски ориентированных интеллектуалов-реформаторов и представителей такой традиционной социальной группы как шиитское духовенство²⁶. Продиктованные тактическими соображениями или рожденные волей случая подобные союзы — естественный спутник политической борьбы особенно в период массовых общественных потрясений. История *машруте* дает не один пример таких объединений. Ничуть не менее странно выглядело соглашение бахтиарских ханов и конституционалистов Решта, заключенное в 1909 г. после разгона шахом парламента. Их боевое единство, обеспеченное ненавистью к каджарам, подразумевало разные цели. Начиная поход на Тегеран, бахтиарские вожди — главы самого крупного союза племен на юго-западе Ирана, которые более не рассматривали каджарских государей как гаранта своего влияния, стремились по праву победителя увеличить территорию, контролируемую племенем, а в идеале — перехватить трон у каджаров. Их союзники — северяне, находившиеся под сильным влиянием кавказских социалистов, вдохновлялись идеей борьбы против деспотизма во всех его проявлениях.

13 Союз *улама* и конституционалистов, имевших светские устремления, вряд ли был рожден только тактическими соображениями. Вернее, «уподоблявшиеся европейцам» испытывали заинтересованность в таком союзнике как шиитское духовенство с его громадным влиянием на общественные устроения. Что же касается людей религии, не в первый раз бросивших вызов трону²⁷, они после подавления бабидских восстаний привычно и уверенно чувствовали себя в роли единоличных вождей народных движений.

14 К началу XX столетия шиитское духовенство Ирана прошло длительный путь духовных исканий, отмеченных знаком обновления. Это со всей очевидностью продемонстрировал XIX в. Напомним лишь его основные вехи: длительная полемика с *ахбаритами* — «староверами», апеллировавшими в спорных вопросах к мнению признанных авторитетов средневековья, и торжество концепции *усули*, прокламировавшей большую

свободу сегодняшних вероучителей в интерпретации разных сторон жизни шиитской общины, противостояние с шейхитами²⁸, подготовившими возникновение бабизма, отрицавшего шиизм, но сохранявшего внутренние связи с породившей его шиитской средой. Следуя духу времени, шиитские вероучители оказались вовлеченным и в круг новых идей, которые обсуждались в тайных политических обществах, на страницах эмигрантской печати, в масонских собраниях.

15 На рубеже столетий «обширный... исполненный тайн и неожиданностей мир персидского духовенства»²⁹ также был неоднороден и в политическом отношении, разделившись на несколько групп с конфликтующими интересами: *улама*, которых в историографии *машруте* принято называть конституционалистами, их оппонентов, отрицающих саму идею конституции, как противную шариату, и религиозных вольнодумцев³⁰ с большим диапазоном оттенков мнений — от отстаивающих свободу взглядов в рамках официального *иснашаризма*³¹ до религиозных диссидентов, порвавших с ним, но действующим от его имени³². Это разделение носило отнюдь не кабинетный, чисто теоретический характер, но побуждало к активному действию. Мы видим духовенство на всех этапах борьбы за конституцию — в кабинетах парламента, где шла работа над текстом Основного закона, и в уличной толпе, проклиная это сборище еретиков; в рядах защитников медресиса, с оружием в руках отстаивающих конституцию, благословленную «столпами веры», и в качестве проповедников, обличающих на митингах косность ислама. Конечно, после принятия Дополнений к Основному закону в октябре 1907 г. муджтахиды, поддерживавшие идею обновления страны, постепенно отошли от политической деятельности, а наиболее бескомпромиссные противники конституции из их числа осудили ее как инструмент в руках врагов ислама.

16 Оценивая роль шиитского духовенства в конституционной революции, известный специалист по истории Ирана XIX — начала XX вв. М. Байат считает, что *машруте* представляет собой яркий образец «начала процесса модернизации в действии, в котором участвуют ее непосредственные агенты — интеллигенция, ее добровольные партнеры — религиозные диссиденты и их невольные помощники из числа представителей традиционно консервативных светских и религиозных кругов»³³. Такое мнение представляется нам излишне категоричным. Оценивая политическое лидерство в категориях результата, а двойственный характер иранской конституции 1907 г. как своеобразный договор «добра со злом», вызванный соотношением сил в медресисе, мы невольно сужаем масштаб исследовательского поля. Мерилом же соответствия иранской конституции умонастроениям общества могут служить политические клубы — *анджоманы*, десятки которых действовали в каждом городе Ирана.³⁴ Часть из них, особенно в Иранском Азербайджане, была ориентирована на поддержку конституции как светского закона, другая шла вслед за авторитетными вероучителями, видевшими в ней осуществление принципов исламской справедливости, но никто из них не оспаривал торжественно прокламированный медресисом 7 октября 1907 г. — в день своей первой годовщины — текст Основного закона, видя в нем главное достижение революции.

17

«Фальшивая республика»

Окончание Первой мировой войны, расколовшей Иран на два не просто враждующих, но воюющих лагеря, позволило правительству заметно стабилизировать внутреннюю жизнь и покончить с региональными движениями, несущими угрозу политической фрагментации³⁵. В Иран постепенно возвращались политэмигранты, многие из которых покинули страну еще в 1915 г. Для молодых иранских интеллектуалов, переживших «великую войну» как личный опыт, она стала временем политического взросления, сформировавшим весьма жесткий взгляд

на общественную жизнь послевоенного Ирана. Страна, по их мнению, обрела черты провинциального захолустья, существовавшего в колее прежних проблем³⁶. Этот пессимизм во многом оправдан.

18 Так, политический календарь 1921 г., самого богатого на значительные события, был отмечен несколькими важными датами: подписанием под военным нажимом большевиков советско-иранского договора, ширмой для которого стало партизанское движение Гиляна³⁷, и организованного англичанами 20 февраля (3 хута) бескровного военного переворота, приведшего к власти правительство «молодых реформаторов». Это означало, что длительное англо-российское соперничество в Иране, завершившееся к 1918 г. безусловным поражением революционной России, восстановлено и даже сбалансировано.

19 Новое правительство, возглавляемое известным журналистом сеидом Зия ад-Дином, было с воодушевлением и надеждой встречено обществом. Положив конец советской интервенции подписанием договора с большевиками, оно несло стране долгожданный мир. Впрочем, это был единственный решительный шаг политических новичков, сделанный под давлением обстоятельств. Безудержный популизм с минимальным практическим результатом, характеризовавший политический почерк этого правительства реформаторов, привел в результате к его падению, и через три месяца оно было вынуждено заявить об отставке, вызвав затяжной кризис власти: за два с половиной года с момента переворота в Иране сменилось 8 кабинетов.

20 В 1921 г. после семилетнего перерыва открыл свои двери парламент, ожививший партийную жизнь, заглохшую после окончания войны. Однако, появившиеся в его стенах новые политические объединения оказались в сущности двойниками своих предшественников — блоков умеренных и демократов 2-го меджлиса (1909—1911 гг.), с незначительной коррекцией их программных позиций и кадрового состава. Не имея провинциальных структур, все они могли действовать только в пределах столицы как ее политическая кухня.

21 Признанным главой 4 меджлиса был муджтахид сеид Хасан Модаррес, человек с безукоризненной политической репутацией — участник конституционной революции, в годы войны он практически возглавлял Кумское Временное национальное правительство³⁸. По свидетельству современников, «Модаррес по своим личным моральным качествам и как политическая фигура не только не шел ни в какое сравнение с другими политическими деятелями Ирана, но и в некотором отношении был исключительной фигурой... с точки зрения интеллекта, прозорливости, и в конце концов политического чутья и красноречия не имел в Иране себе равных»³⁹. Его политические взгляды основывались на твердом следовании конституции 1907 г., гарантом которой должны были выступать авторитетные шиитские богословы, обладающие правом заблокировать любое решение законодательной власти. Но этому положению, по ряду причин, суждено было остаться мертвой буквой: шиитское духовенство было расплывлено географически (часть его проживала за пределами Ирана), принятый в богословской школе *усули* плюрализм мнений вступал в противоречие с личной конкуренцией *улама*, не говоря уже о том, что часть видных богословов, как и в годы *машруте*, были против вторжения религии в политику. Создается впечатление, что Модаррес это понимал, но не мог или не желал признавать очевидное. Его усилия как посланника *атабата*⁴⁰ по созданию в годы *машруте* предусмотренного конституцией духовного совета не увенчались успехом. Для националистов нового поколения, нацеленных на построение независимого светского государства, он, хотя и являлся достойным противником, но ими воспринимался как политическая фигура, олицетворяющая славное прошлое.

22 Комплекс не востребоваемости как следствие незавершенности процесса

формирования новой политической элиты, начавшегося в период *маируте*, во многом объясняет то значение, которое идеологи национализма в Иране стали придавать «полновластной сильной личности — иранскому Наполеону, Ленину, Муссолини»⁴¹. Это послужило основой для сближения Реза-хана Савадкухи, получившего портфель военного министра в правительстве сеида Зия ад-Дина, и небольшой группы начинающих политиков, стремящихся к созданию собственной партии. Профессиональный военный с 30-летним стажем службы в казачьих войсках, обязанный случаю своему головокружительному возвышению⁴², Реза-хан не имел в это время своей группы влияния в парламенте, находясь вне политических программ и платформ. Серьезной в этом отношении фигурой он становится не без помощи своих новых соратников, объединившихся в партию «Таджадод» («Обновление»).

23 К 1923 г. этот альянс приобрел форму устойчивого политического союза, который сплотила борьба за премьерское кресло, широко освещавшаяся в прессе. Столичная «Эттехад» («Союз»), ссылаясь на слова военного министра, уверяла своих читателей, что при отказе шаха удовлетворить его требования он готов к военному перевороту и установлению диктатуры, добавляя, что в таком случае обществу «вряд ли стоит связывать свои надежды с меджлисом»⁴³. Ни для кого не было секретом, что премьерство рассматривается Реза-ханом лишь как этап в его политической карьере. По Тегерану поползли слухи, что он хотел быть не только премьер-министром, но каким-то фантастическим «главой государства» — «реис-е-довлет» без наследника в качестве регента и прочих «глупостей»⁴⁴. Отъезд шаха за границу стал сигналом к развернувшейся в прессе антикаджарской агитации, плавно перетекшей в кампанию за установление республики. Опыт подобного рода мобилизации общества для решения насущных политических задач у власти уже имелся: тотальный контроль над прессой, взаимодействие центральных и местных властей, которые должны обеспечить единство народного мнения, верноподданные депутации от разных групп населения. Правда, на этот раз кампания, требовавшая большого количества политических статистов, была организована с размахом. Но «эти сыпавшиеся как из рога изобилия вещественные знаки “глубины и широты республиканского движения”» никого не обманывали, и через месяц «кампания стала запутываться в бездарных повторениях»⁴⁵. Впрочем, главной своей задачей окружение Реза-хана видело не уличную агитацию, а обеспечение большинства в новом парламенте.

24 В это время набирала силу избирательная кампания в меджлис 5 созыва⁴⁶, и если в поддержке столицы власть, контролировавшая все тегеранские издания, была практически уверена, то ситуация в провинции внушала опасение. Повсеместное жесткое вмешательство военного начальства в ход избирательной кампании в провинции, подкуп и откровенное давление на избирателей должны были гарантированно обеспечить благоприятный результат и на местах. Реза-хан был настолько уверен в победе, что определил дату собственной инаугурации как президента Ирана — 21 марта, первый день иранского нового года. К ней заблаговременно были выпущены золотые монеты нового, республиканского образца для традиционного новогоднего подарка. Оставалось только заручиться решением меджлиса о провозглашении в Иране республики.

25 В новом меджлисе 5 созыва, который был призван по плану властей низложить монархию, муджтахид Хасан Модаррес сохранил свои лидерские позиции. Выбранная им тактика противодействия напористому республиканизму свела к нулю все усилия резахановского блока. Модаррес предложил другой путь разрешения вопроса — так как по конституции меджлис не имеет право низложить монархию, нужно действовать через референдум. Это было не только новое слово в политическом лексиконе, но и безошибочный ход — апелляция к народу всегда являлась сильной стороной духовенства. Каналом постоянной связи с жителями столицы стали регулярные встречи Модарреса с главами цеховых корпораций и всегда открытый для посетителей дом сеида⁴⁷. Неожиданно для себя

Драма республиканской идеи в зеркале поэзии

Бурные исторические события в Иране начала XX в. сформировали особую интеллектуальную обстановку, вызвавшую к жизни поэзию нового типа. Еще десятилетие тому назад — в самом конце XIX в. — остававшаяся в канонических рамках средневековой эстетики, персидская поэзия обрела политическое звучание. Эта гражданская поэзия легко научилась поддерживать или ниспровергать разнообразные политические идеи и их приверженцев и говорить с широкой, зачастую не владеющей грамотой аудиторией на понятном ей языке в том числе с использованием «непоэтических» выражений из публичного обихода. Экспериментировали поэты начала века и с жанровой формой стиха: для выражения актуального политического содержания начинает широко использоваться одна из разновидностей классической литературно-вокальной композиции — *тасниф*. Одинаково популярные и при каджарском дворе, и в городской среде эти «песни», ранее преимущественно любовной тематики, в новой обстановке становятся действенным средством выражения политических симпатий или антипатий.

27 Любая иранская газета — дешевая однодневка или солидное официальное издание, имевшее политический вес — не могла обойтись без поэзии: речитация стихотворных произведений в Иране, где поэтическое слово является символом национальной идентичности, имела давнюю традицию и прочно вошла в быт горожан. *Ахл-е сохан* — «люди слова» — рассказчики и декламаторы были обязательными участниками народных развлечений и торжеств, включая церемонии в честь памяти имама Хусейна, и компенсировали своим искусством слабое распространение грамотности. В начале XX в. поэзия заняла свою нишу как форма политической пропаганды, стихотворения стали бытовать в виде своеобразных листовок-прокламаций, публично исполняться на собраниях революционных комитетов-*анджуманов*, неформальных митингах и во время шествий. В этой связи поэтические произведения, созданные в первой трети XX в., могут существенно расширить круг привычных для историков источников и дать возможность услышать голос непосредственных участников событий, принадлежавших к разным политическим лагерям.

28 Сторонники провозглашения республики прекрасно понимали силу поэтического слова и охотно прибегали к этому эффективному средству формирования общественного мнения. Единственным и безусловным пропагандистским успехом стремительно набиравшей обороты республиканской кампании стали выступления на собиравших тысячи слушателей концертах популярного поэта-демократа Арефа Казвини. Очевидец этих событий известный российский востоковед К. И. Чайкин вспоминал: «Характерная его высокая, сутуловатая фигура с худым горбоносым лицом и ввалившимися щеками, белая низкая его чалма, обмотанная вокруг высокой белой фески, и неизменный серый сюртук (*сардари*) хорошо известны населению крупнейших персидских городов, где он появляется время от времени, дает один — два концерта, проживая в домах своих друзей и почитателей, и затем, верный бродяжническому, бездомному своему нраву, снова исчезает для того, чтобы появиться, опять-таки на краткое время, в другом городе»⁴⁸.

29 На организованных республиканцами выступлениях Ареф призывал народ поддержать республику: «Да сгинет время Каджаров! // Пусть бесплодным станет их древо! // Пусть до судного дня будет вершить справедливость // мощная десница республики!»⁴⁹. Обращаясь в памяти к революционным событиям в Иранском Азербайджане, который был для иранцев оплотом демократических преобразований, Ареф продолжал: «Языки пламени

республики в Иране // от Тебриза должны прийти до Тегерана. // Дым от этого огня пусть ослепит сторонников Каджаров»⁵⁰.

30 Заявления Арефа вызвали моментальную отповедь его прежнего единомышленника и ближайшего соратника Мирзаде Эшки, популярного поэта и журналиста: «На этой неделе устраивает представление Ареф // в сопровождении просвещенных соратников. // Должно стать ясно, // что у республики нет ни одного противника. // Будет доказано ударами и удавками, // что у *машрутэ* нет ни одного сторонника»⁵¹.

31 В условиях цензурного правительственного контроля издаваемая Эшки газета «Двадцатый век» стала единственным голосом группы Модарреса. В 1915 г. Эшки и Ареф оказались на стороне Кумского правительства национального освобождения, возглавляемого Модарресом, а после его поражения были вынуждены на время эмигрировать из страны. Республиканская кампания развела прежних единомышленников по разным станам: Ареф горячо поддержал идею республики, а Эшки принял сторону Модарреса, видя в республиканских планах премьера опасность установления личной диктатуры, перечеркивающей завоевания *машруте*.

32 Из номера в номер «Двадцатого века» печатаются части поэмы Эшки «Книга о республике» (*Джомхури-наме*), ставшей поэтической хроникой этого времени, из которой читатель, а чаще всего слушатель (поэма заучивалась наизусть и пересказывалась в кофейнях, лавках и на улицах базара) узнавал свежие новости о происходящем в меджлисе. Особую популярность обрели стихотворные карикатуры Эшки на известных сторонников республики, включая самого премьера: «Сказал: “Установлю-ка я республику, // а сам за поводья ее возьму. // Народ, что требует ее, будет ослом. ... // Затем некоторым задам овса и таким образом их обуздаю, // а если все совсем пойдет гладко, // то еще и оседлаю!”»⁵². Досталось и спикеру парламента, правой руке Реза-хана, Сеиду Мухаммаду Тадайону: «Тадайон говорил, что, мол, парламент со мной, // обеспечу большинство, // что произойдет это до светлого праздника, // что все обязательно проголосуют за республику. // Ни закон не помешает, ни народное мнение, // силой кулака разрешу этот вопрос»⁵³.

33 В отличие от Реза-хановского эскорта Эшки не разговаривал с народом на языке политтехнологических приемов. «Слушай, мусульманин, и не верь»⁵⁴, — призывал он соотечественников: «Святое дитя свободы оказалось выкидышем», а республика — «овечьим навозом в сахар»⁵⁵. Его стихи были намеренно выполнены в низком стилевом регистре с использованием разговорных грамматических конструкций и просторечных выражений.

34 Травестируя жанр *ноухе* (оплакивание, траурная песня), Эшки предрекает поражение республиканцам, видя в них птиц-падальщиков: «Слетелись падальщики к трупу, // от горя били себя, // и в голову, и в грудь все били и били, // когтями скребли гроб, полный золота, // каждый по горсти утащил себе из тех монет. // Ах, ушла в небытие наша республика!»⁵⁶.

35 Понадобилось одно неосторожное действие властей — попытка закрыть базар в предпраздничные дни, чтобы обеспечить явку горожан на проправительственный митинг — и последовал взрыв. Разъяренная толпа двинулась к зданию парламента, а приказ Реза-хана разогнать протестующих, открыв огонь, перечеркивал надежду на реализацию его политических планов.

36 Силу тегеранского базара в годы *машруте* испытали и каджары: давление столичных торговцев и ремесленников на власть заставило Музаффар ад-Дин-шаха в 1906 г. подписать указ о введении конституции. Спасовала власть и на этот раз — после совещания с авторитетными богословами Кума премьер рекомендовал народу оставить мысли о республике и содействовать ему «в осуществлении священной цели упрочения основ религии,

Заключение

Первая четверть XX в. стала для Ирана важным этапом на пути в современное общество, продемонстрировавшим сложность и неоднозначность процесса взаимодействия сил традиции и новации, которое могло колебаться от сотрудничества до острой конкуренции. По мысли А. Деххода, редактора «Сур-е Эсрафил», флагмана иранской демократической прессы, Иран вошел в революцию с этой газетой в одной руке и Кораном — в другой⁵⁸. Этот процесс ярко прослеживается на примере такой традиционной социальной группы как шиитское духовенство, значительно расширившей к началу века свой и интеллектуальный, и политический багаж. Конечно, в политико-идеологической сфере авторитетные вероучители заметно уступали светским интеллектуалам. Вынужденно заняв в дискуссии о характере Основного закона самую уязвимую позицию — его редакторов и критиков, *улама* смогли противопоставить матрице европейских конституций лишь богословский трактат и религиозную проповедь. Тем не менее именно их участие в революции определило ее размах и степень вовлеченности в политический процесс широких масс населения, обеспечив муджтахидам почетную роль восприемников новых общественных идей и лозунгов. Прочность их позиций как лидеров народного движения подтвердила и так называемая республиканская кампания 1924 г., ориентированная на установление светской диктатуры с опорой на армию. Блокировав ее утверждение, традиционные силы в то время не смогли тем не менее предложить обществу, находившемуся в поиске выхода из тупика каджарского правления, перспективный политический контрпроект.

Примечания:

1. Процитированное высказывание «“Исцеляющая маршруте” как конституция компромисса» принадлежат участнику конституционного движения поэту Арефу Казвини, см.: Ареф Казвини. Коллийат-е диван (Собрание стихотворений). Тегеран, 1957. С. 201. Здесь и далее все цитируемые стихотворения даны в переводе авторов статьи; «Меджлис». № 2. 1906 // Архив иранской прессы периода маршруте [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
2. Город на северо-востоке Ирана.
3. «Хабл ал-Матин» («Прочные узы») — одна из самых известных иранских газет, издававшаяся в Индии и нелегально распространявшаяся в Иране.
4. «Сур-е Эсрафил» («Труба архангела Эсрафила») — популярная тегеранская газета либерального толка.
5. Стихотворение принадлежит видному деятелю маршруте, поэту и прозаику Деххода (1880—1956). Текст см.: «Сур-е Эсрафил». № 4. 1907 // Архив иранской прессы периода маршруте [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
6. Najmabadi A. “Is Our Name Remembered?”: Writing the History of Iranian Constitutionalism as if Women and Gender Mattered. // Iranian Studies. Vol. 29. No. 1/2 (Winter — Spring, 1996). P. 103.
7. Хусейн б. Али — внук пророка Мухаммада, трагически погибший 10 октября 680 г. в сражении при Кербеле. Оплакивание гибели третьего шиитского имама Хусейна и его сподвижников, пожертвовавших жизнью во имя веры, стало главным траурным торжеством всех шиитов.
8. Муджтахид — ученый-богослов, обладающий правом выносить самостоятельное решение по важным вопросам мусульманского права и норм социального поведения, высший духовный авторитет.
9. Сеид — мусульманин, возводящий свое происхождение к пророку Мухаммаду.
10. Najmabadi A. Ibid. P. 88.
11. Бест — основанное на старинном обычае право убежища в некоторых священных или неприкосновенных местах (мечетях, гробницах, с XX в. — помещениях иностранных посольств).

12. Кермани Н. Тарих-е бидари-йе иранийан (История пробуждения иранцев). Тегеран, 1333/1954. С. 43.
13. Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. Персидский стол. 1906. Д. 907. Л. 9, 9 об.
14. Там же. Л. 11.
15. Улемы, 'улама (ед.ч. 'алим) — (араб.) «знающие», авторитетные знатоки исламской теории и практики, хранители исламской религиозной традиции, теологи.
16. Эту точку зрения разделяет автор фундаментального толкового словаря Али-Акбар Деххода: «Термин машрутийат не использовался ни в арабском языке, ни в персидском.... Он проник в Иран из Османской Турции и означает господство закона. Он является синонимом французского слова constitution (конституция, принципы, основание)». Деххода А. Логатнаме (Словарь). Тегеран, 1373/1994. Дж. 12. С. 18500.
17. Таги-заде Х. Хатабэ: Моштамэл бар шаммехи аз тарих-е аваэл-е энкелаб-е машрутийат-е Иран (Лекция: Из истории начала революции машруте в Иране). Тегеран, 1338/1959. С. 53—54.
18. «Мы станем не нужны народу, и в двери наших домов никто не постучит». — Цит. по: Кесрави А. Тарих-е машруте-йе Иран (История конституционного движения в Иране). Тегеран, 1978. С. 76; «Я знаю, что при введении законов дети и родственники мои будут милостливо просить, но ради блага народного я... стою за скорейшее введение реформ». — АВПРИ. Ф. Персидский стол. Д. 907. Л. 185 об.
19. Машру'э — правление, основанное на соблюдении норм аш-шари'а (шариата), комплекса закрепленных в исламе предписаний.
20. Бабиды — сторонники созданного в первой половине XIX в. сеидом Ага-Мухаммадом (Бабом) религиозного учения, основанного на отрицании Корана и всех предписаний ислама — поста, молитвы, паломничества.
21. Только однажды председательствующий рискнул начать заседание, не дождавшись появления муджтахидов, чем вызвал строгое нареkanie М. Табатабаи, возмущенного такой бестактностью.
22. Во время заседаний парламента в ноябре 1906 г. секретарь, разбирая прошения жителей столицы, неосторожно зачитал вслух письмо, автор которого (а это была женщина) обращалась лично к муджтахиду М. Табатабаи с просьбой содействовать открытию в Тегеране школы европейского типа для девочек. Как сообщается далее в стенографическом отчете о заседании, в зале «водворилось молчание. Парламентские депутаты обомлели от такого «кошунственного» предложения. Председатель находчиво положил письмо под колено (депутаты до сих пор сидят на полу) и очевидно хотел возможно скорее закрыть заседание» // Центральный государственный исторический архив. Ф. 362. Оп. 28. Д. 124. Л. 127.
23. АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 26. Д. 349. Л. 112.
24. Иранская конституция состоит из двух частей: Основного закона, представляющего собой устав парламента, который был подписан 30 декабря 1906 г. Музаффар ад-Дин-шахом, и Дополнений к Основному закону, утвержденного 7 октября 1907 г.
25. «Великое скрывание» — основополагающее представление в шиитском исламе, связанное с исчезновением последнего двенадцатого имама из рода Али, который незримо руководит жизнью шиитской общины вплоть до своего явления как Махди (мессия).
26. Об этом см, например: Keddie N. R. Religion and Irreligion in Early Iranian Nationalism // Comparative Studies in Society and History. Vol. 4. № 3. April, 1962. P. 265—295.
27. Табачные бунты — мощное народное движение в 1890—1891 гг. против предоставления английской компании Г. Ф. Тальбота концессии на переработку и продажу табака в Иране.
28. Шейхизм — одно из ответвлений шиизма, сторонники которого считали, что до пришествия скрытого имама посредником между ним и верующими может быть любой член шиитской общины.
29. Из письма Н. Г. Гартвига, российского посланника в Иране (1906—1908 гг.), министру иностранных дел России А. П. Извольскому // АВПРИ. Ф. Персидский стол. 1904. Д. 898. Л. 162.
30. К ним с полным основанием можно отнести одного из летописцев конституционной революции Назем ал-Ислама Кермани, автора «Истории пробуждения иранцев».
31. Ал-исна'ашарийа — (араб.) «двунадесятники», шииты-имамиты, признающие двенадцать имамов из рода Али.
32. Азалиты — последователи Собх-е Азала, одного из учеников Баба, сохранившего основы его вероучения.
33. Bayat M. Iran's First Revolution. Shi'ism and the Constitutional Revolution of 1905—1909. N. Y.; Oxford; Oxford University Press, 1991. P. 267.
34. Об этом см., например: Lambton A. Persian Political Societies 1906—1911 // Middle Eastern affairs. № 3. L. 1963. P. 41—89.

35. «Фальшивая республика» // Эшки М. Коллийат-е мосаввар (Иллюстрированное собрание сочинений). Тегеран, 1357/1978. С. 280.
36. «Не ясно, живы вы или мертвы. // О народ, вы — уважающие себя люди или рабы? // Какую жизнь вы ведете? // Смерть лучше такой жизни, ради чего вы живете? // Ваши предки оплакивают ваше положение, // отчего вы стали посмешищем для других народов? // Иранцы издревле жили с высоко поднятой головой, // что заставило вас склонить голову?» писал, обращаясь к соотечественникам, вернувшийся из эмиграции поэт-демократ Эшки // Эшки М. Указ. соч. С. 236.
37. Движение джангалийцев (перс. джангал — лес, джунгли) в лесах Гилянской провинции Ирана, на базе которого при помощи Красной Армии была провозглашена иранская Советская социалистическая республика (1920—1921).
38. Созданная частью депутатов III меджлиса параллельная власть, поддержавшая в 1915 г. Германию и ее союзников.
39. Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран (История двадцати лет в Иране). Тегеран, 1325/1946. Т. 3. С. 4.
40. Ал-‘Атабат ал-‘алиййат — (араб.) «Высокие пороги», священные для шиитов города в Ираке — Кербела, Неджеф, Самарра, Казимень, где находятся захоронения шиитских святых.
41. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 90. Д. 87. Л. 6 об.
42. Реза-хан Савадкухи, полковник персидской казачьей бригады, был поставлен английским военным командованием в Иране в качестве руководителя восстания и с успехом выполнил эту миссию.
43. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 87. Л. 7 об.
44. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 87. Л. 7 об.
45. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 93. Л. 7.
46. 5 меджлис, выборы в который начались весной 1923 г., открыл свои заседания 11 февраля 1924 г.
47. Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран (История двадцати лет в Иране). Тегеран, 1324/1945. Т. 2. С. 332.
48. Чайкин К. И. Краткий очерк новейшей персидской литературы. М., 1928. С. 62.
49. Ареф Казвини. Коллийат-е диван (Собрание стихотворений). Тегеран, 1957. С. 423.
50. Там же. С. 442.
51. Эшки М. Указ. соч. С. 288—289.
52. Эшки М. Указ. соч. С. 280.
53. Там же. С. 290.
54. Там же. С. 295.
55. Там же. С. 298.
56. Эшки М. Указ. соч. С. 284.
57. Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран (История двадцати лет в Иране). Тегеран, 1325/1946. Т. 3. С. 14.
58. «Сур-е Эсрафил». № 14. 1907 // Архив иранской прессы периода машруте [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).

Библиография:

1. Ареф Казвини. Коллийат-е диван (Собрание стихотворений). Тегеран, 1957.
2. Деххода, А. Логатнаме (Словарь). Тегеран, 1373/1994. Дж. 12.
3. Кермани Н. Тарих-е бидари-йе иранийан (История пробуждения иранцев). Тегеран, 1954.
4. Кесрави А. Тарих-е машруте-йе Иран (История конституционного движения в Иране). Тегеран, 1978.

5. Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран (История двадцати лет в Иране). Тегеран, 1325/1946. Т. 2, 3.
6. Таги-заде, Х. Хатабэ: Моштамэл бар шаммехи аз тарих-е аваэл-е энкелаб-е машрутийат-е Иран (Лекция: из истории начала революции машруте в Иране). Тегеран, 1338/1959.
7. Чайкин К. И. Краткий очерк новейшей персидской литературы. М., 1928.
8. Эшки, М. Коллийат-е мосаввар (Иллюстрированное собрание сочинений). Тегеран, 1357/1978.
9. Bayat M. Iran's First Revolution. Shi'ism and the Constitutional Revolution of 1905—1909. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1991.
10. Keddie N. R. Religion and Irreligion in Early Iranian Nationalism // Comparative Studies in Society and History. Vol. 4. № 3. April, 1962. P. 265—295.
11. Lambton A. Persian Political Societies 1906—1911 // Middle Eastern affairs. № 3. L., 1963. P. 41—89.
12. Najmabadi A. “Is Our Name Remembered?”: Writing the History of Iranian Constitutionalism as if Women and Gender Mattered // Iranian Studies. Vol. 29. № 1/2. Winter—Spring, 1996.

On the Way to Modern Society: the Shia Clergy in Early 20th Century Iranian Politics

Anna Ardashnikova

*Lomonosov Moscow State University
Russian Federation, Moscow*

Tamara Konyashkina

*Lomonosov Moscow State University
Russian Federation, Moscow*

Abstract

Social and political events of the early 20 century caused the emergence of new concepts for the development of Iran, the relevance of which over time not only did not diminish, but increased. The agents of new ideology were both intellectual reformers of the secular circle and the Shia clergy, who actively participated in politics. The article, within the framework of an interdisciplinary study, examines the interaction of innovation and tradition at the stages of socio-political transformations that are crucial for Iran and highlights the arsenal of propaganda tools that were used in this process. Archival documentary materials and poetry of journalistic nature, which are first introduced into scientific circulation, allow to hear the “real voice” of the direct participants and witnesses of the events of this period.

Keywords: Shia clergy, mashruteh, majlis, Basic Law, republic

Publication date: 21.06.2021

Citation link:

Ardashnikova A., Konyashkina T. On the Way to Modern Society: the Shia Clergy in Early 20th Century Iranian Politics // ISTORIYA. – 2021. – V. 12. – Issue 5 (103) [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/s207987840015888-5-1/> (circulation date: 26.07.2021). DOI: 10.18254/S207987840015888-5